

продуктов питания приходилось 55 % в розничном товарообороте, на алкоголь — 19 %. Затраты на алкоголь в семьях рабочих и служащих значительно превышали сумму затрат на лечение, культуру и образование²⁵. С алкоголизмом тесным образом были связаны душевные болезни, а также проституция — одна из наиболее устойчивых форм девиантного поведения. Её сохранению способствовали нэп и рыночные отношения, семейный кризис и рождение новой морали, беспризорничество и «классовая вражда». Проблемы проституции, суицидального поведения горожан требуют дополнительного рассмотрения, что позволит полнее представить картину быта уральских городов в годы нэпа.

Примечания

- ¹ Ложкин А.И. Психология поведения девиантной личности. Екатеринбург, 2003. С. 14.
- ² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.
- ³ Ежедневник советской юстиции. 1923. № 7–8. С. 153–154.
- ⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 459. Л. 24, 48.
- ⁵ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.
- ⁶ Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 141.
- ⁷ Социальная статистика Урала. Свердловск, 1926. С. 157–159.
- ⁸ Статистический справочник. Г. Свердловск и Свердловский округ. Свердловск, 1928.
- ⁹ Социальная статистика Урала... С. 156–157.
- ¹⁰ Родин Д. Главнейшие моменты в современном хулиганстве как массовом явлении // Хулиганство и хулиганы. М., 1929. С. 75–84.
- ¹¹ На смену! 1929. № 236. С. 3
- ¹² На смену! 1925. № 46. С. 5
- ¹³ Семашко Н. Алкоголизм и хулиганство // Хулиганство и хулиганы. С. 7–10.
- ¹⁴ Лебина Н.Б. Пала, отдай деньги маме // Родина. 1996. № 12. С. 70.
- ¹⁵ Курукин И.В., Никулина Е.А. Жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 383
- ¹⁶ Рабоче-Крестьянская Правда. 1925. 20 февр. С. 4.
- ¹⁷ Уральский рабочий. 1922. № 165. С. 5
- ¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 132.
- ¹⁹ Труд в Свердловском округе. 1926–1927 гг. Свердловск, 1927. С. 70–71.
- ²⁰ Доблер О.Р. Опыт изучения социально-бытовых и экономических условий жизни рабочих Верх-Исетского завода «Красная кровля» в 1926 г. // Труд и здоровье мартовских рабочих Верх-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1928. С. 105, 106.
- ²¹ Труд и здоровье рабочих государственного хромпикового завода. Свердловск, 1930. С. 55–56.
- ²² Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 390.
- ²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 130.
- ²⁴ Государственный архив Шадринска (ГАШ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.
- ²⁵ Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России. М., 1996. С. 81.

*М.С. Каменских
(Пермь)*

ТАЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КИТАЙЦЕВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История китайцев в России долгое время не становилась предметом для исследования. Рассматривались лишь отдельные фрагменты их пребывания в нашей стране. И только в конце 1990-х — начале 2000-х гг. вышло сразу несколько монографий, посвященных комплексному изучению истории китайцев в России¹. Авторы этих работ заложили методику изучения истории китайцев в нашей стране, что позволяет

сегодня проводить аналогичные исследования в рамках отдельных регионов. Одним из направлений изучения истории китайцев является анализ их быта и форм социальной организации, которые отразились в источниках и воспоминаниях современников. В этой статье речь пойдет о китайцах России начала XX в. и специфических формах их социальной организации на территории Урала.

Исследователи отмечают, что китайцы, особенно в начале XX в., вели себя довольно замкнуто, подчинялись более представителям своей нации, занимающим важные должности (подрядчики, старшинки, переводчики), нежели российским законам. Между китайцами существовали разного рода «неформальные» связи, создавались тайные сообщества. Две наиболее распространенные формы таких сообществ — преступные организации «хунхузов» и тайные религиозные общины.

В начале XX в. китайцев, объединявшихся с целью разбоя в приграничных с Российской империей районах, называли «хунхузами». Администрации губерний часто сталкивались с такими группами, о проблемах с хунхузами писали практически все исследователи. «Хунхузы (хунху цзы), буквально «краснобородые» — китайские разбойники, в значительном числе занимавшиеся грабежами и убийствами как на российском Дальнем Востоке, так и в Маньчжурии», — отмечает в своей монографии А.П. Петров². О борьбе администраций некоторых губерний с хунхузами пишет в своей монографии Ф. Соловьев³.

Другой формой социальной организации китайцев были тайные религиозные общины. Ф. Соловьев в своей монографии указывает, что у китайцев, проживавших в начале XX в. на Дальнем Востоке, существовала традиция писать на бумаге взаимные клятвенные обязательства о братстве, расписываться под ними, подтверждая таким образом свою верность братству. «Отправление таких обрядов налагало на члена китайской общины обязательства взаимной выручки, помощи и поддержки во всех случаях жизни. Поэтому каждый китаец видел в своем соотечественнике брата», — пишет Ф. Соловьев⁴. А. Ларин указывает, что «...задачи обществ, зафиксированные в уставах, включали в себя взаимную помощь их членов друг другу, улаживание споров между ними, содействие российским властям и полиции, защиту от хунхузов, просветительскую деятельность»⁵.

Сведения об аналогичных сообществах китайцев на Урале содержатся в фондах архивов Свердловской области (ГАСО) и Пермского края (ГАПК)⁶.

Как известно, впервые массово китайцы на Урале появились в период I Мировой войны. Из-за начавшейся мобилизации на предприятиях Пермской губернии, составлявших большинство заводов Среднего Урала (преимущественно территории современных Свердловской области и Пермского края), обнаружился дефицит рабочих рук. По подсчетам А.П. Танеева в 1915 г. из 135,6 тыс. рабочих Урала по собственному желанию и по призыву на воинскую службу убыло 81,8 тыс. человек⁷. В первые месяцы войны недостаток рабочей силы частично покрывали за счет труда женщин, детей и военнопленных. Когда в 1915 г. дефицит рабочих рук на Урале стал очевидным, пермский губернатор М.А. Лозина-Лозинский по просьбе управляющего Абаменлик-Лазаревских заводов в апреле 1915 г. обратился в Департамент полиции Министерства внутренних дел со следующей телеграммой: «...принимая во внимание недостаток горнорабочих на Урале, желание промышленников прийти на помощь к правительству усиленной добычей каменного угля прошу Департамент по-

лиции не отказать в возможной поддержке возбужденного углепромышленниками ходатайства (о привлечении китайцев.)»⁸, а 23 мая 1915 г. из Департамента полиции пришел положительный ответ⁹. Таким образом был запущен механизм по привлечению китайцев для работы на уральских заводах. С августа 1915 г. первые партии китайцев по 250–300 чел. стали прибывать на Урал.

Местные власти внимательно следили за поведением китайцев, справедливо опасаясь случаев шпионажа или диверсий с их стороны в пользу немцев. Уже в ноябре 1915 г. на Половинских коях Кизеловского горного округа произошло одно из крупнейших волнений китайцев. Проблемы здесь, как свидетельствуют источники, начались сразу после появления на коях китайцев: уже по прибытии второй партии, первая вступила с ней в драку, в результате чего было ранено два человека. На этих же коях 4 ноября 1915 г. произошла вспышка недовольства в среде китайцев на одной из шахт толпа китайцев убила переводчика, стражника-китайца и ранила другого переводчика. Только после того, как были схвачены убийцы и все причастные к убийству, рабочие китайцы успокоились. Однако 7 ноября восстала уже толпа в 74 чел. Бунт также удалось подавить, арестовав еще 15 чел. В результате допроса, проведенного руководством копей, выяснилась, что изначально среди китайцев «были лица — хунхузы, которые потому противились подрядчикам, что знали, что при подрядчиках китайцах они рано или поздно будут открыты»¹⁰. Как следует из итогового протокола расследования, хунхузы запрещали работать китайцам свыше установленной нормы и надеялись добиться отказа подрядчиков, в случае которого они могли рассчитывать на установление своей власти. «Китайцы были положительно терроризированы этой кучкой хунхузов», — заключал управляющий Кизеловским горным округом В. Грамматчиков, — но сейчас все хорошо. Уже в ноябре результаты китайской работы будут повышаться и дело совершенно наладится к январю 1916 года»¹¹.

И действительно, с исчезновением хунхузов ситуация на коях нормализовалась. На тот же факт в сентябре 1916 г. указывал и вице-губернатор Н. Максимов, докладывая начальнику губернии о ситуации на заводах: «Когда из среды китайцев были изъяты восемнадцать главарей, на коях все пошло нормально»¹².

Опасаясь возможного продолжения конфликта, губернатор принял решение максимально сурово наказать арестованных китайцев. Дело было передано на рассмотрение командующему войсками Казанского военного округа. В своем письме к нему от 12 января 1916 г. губернатор подчеркивал, что «в интересах поддержания на каменноугольных коях порядка и спокойствия, необходимы строгие и быстрые репрессии по отношению к нарушителям порядка, особенно китайских подданных»¹³. Губернатор рассчитывал на публичную смертную казнь¹⁴, но итоговое наказание из-за задержек и долгих разбирательств осталось весьма лояльным.

Военно-окружной суд, разбиравший 12 октября 1916 г. это дело, постановил, что «из 19-ти обвиняемых 13 оправдано, 4 человека, а именно: Ван-Во-Дин, Ван-Го-Зюн, Ли-Фа-Шин и Чжао-Хой-Син присуждены в каторжные работы на 15 лет каждый и двое обвиняемых Сюй-Дин-Зюн и Чжан-Юй-Тин приговорены к смертной казни через повешение»¹⁵. Позднее смертная казнь им была заменена на каторжные работы на 20 лет, остальным осужденным срок был уменьшен с 15 до 10 лет¹⁶.

Что касается религиозных общин, то сведения об их существовании относятся уже к 1916 г. В феврале 1916 г. губернатор М.А. Лозина-Лозинский писал полицмей-

стерам, уездным и горным исправникам, что китайцы Екатеринбургского уезда «начали организовывать преступное сообщество для совершения, с наступлением весны, убийств и грабежей, при чем, примкнувшие к этой шайке китайцы получают от организаторов особую "братскую присягу", воспроизведенную на китайском языке не куске красного сатинета длиною 3 аршина и шириною 6 вершков»¹⁷. Чтобы не дать этой группе распространить свое влияние, губернатор требовал принять меры и провести обыски с целью обнаружения подобных сообществ.

Обыски были проведены и дали свои результаты. В ходе обыска 18 марта казарм китайцев на медном руднике Верх-Исетских заводов Екатеринбургского уезда у китайца № 6203 Сун Вендэ был найден «один патрон динамита и 16 концов красного ситца, записанных китайским шрифтом. «По объяснению переводчика, — сообщал в рапорте екатеринбургский уездный исправник, — текст надписей на ситце одинаков, называется по-китайски "Катгу", то есть клятвенное обещание братства с именами и фамилиями 37 человек, из коих 35 китайцев оказались на лицо, а остальные два остались в лесосеке, около станции Кусинской»¹⁸.

Переводчик пояснил, что клятвенное обещание было подписано китайцами в новый год (20 января 1915 г.), а прибыли китайцы на медный рудник 23 февраля. «В чем именно состояло клятвенное обещание между китайцами неизвестно, так как текста этого обращения не найдено, а по их объяснению в том, чтобы никогда не ссориться между собой», — сообщал екатеринбургский уездный исправник¹⁹.

Еще одно такое общество было обнаружено 26 апреля на кирпичеделательном заводе Внутских — у китайца Чан Хусюна была найдена записка с иероглифами. Переводчик сообщил, что на бумаге имеется клятва «братства», пояснив, что «у китайцев, проживающих на чужой стороне, существует обычай, перезнакомившись с несколькими своими сородичами и убедившись взаимно в добропорядочности друг друга, называться братьями, какое решение, записывается на красном листе бумаги. Цель такого братства поддерживать друг друга во всех, затруднительных положениях: болезни смерти, лишения работы, семейной нужды и пр. Поддержка выражается материально и нравственно: уход во время болезни, похороны в случае смерти и т.д.»²⁰. В самом тексте пять китайцев — Ли Хивенкину, Чан Юицзы, Мо Юитен, Чан Подай, Тянь Хунхюнь — подписались под молитвой, переведенной буквально следующим образом: «Бог наш, вечный свет, молимся тебе и просим помочь нам, чтобы мы жили дружно, как родные братья, хотя и носим разные фамилии, чтобы сердца наши не изменяли слову "брат", чтобы были счастливы»²¹. Позже все китайцы были схвачены и арестованы.

Более сведений в документах обнаружить не удалось, но есть все основания полагать, что подобных организаций было больше²².

Как видно, практика создания неформальных социальных организаций была распространена довольно широко, их китайцы создавали даже за пределами своей родины. Некоторые из таких организаций представляли реальную угрозу (в том числе и самим китайцам), другие носили абсолютно мирный характер. Интересно в данном случае проследить реакцию на подобные организации местных властей. Для них различий между сообществами китайцев не существовало — местные администрации предпочитали арестовывать всех, независимо от их общественной или культурной принадлежности. С другой стороны, китайцы, создавая подобные структуры, абсолютно не шли на контакт с местными властями, не сообщали о своих организаци-

ях. Из этих фактов можно сделать несколько выводов. Скорее всего, в начале XX в. российское (в особенности провинциальное) общество было еще довольно замкнутым и болезненно реагировало на любые формы организации иностранцев на своей территории, аналогично вели себя и иностранцы, в данном случае китайцы. Из-за отсутствия достоверной информации от обеих участвующих сторон, нормальной межкультурной коммуникации не происходило, дело сразу заканчивалось арестами и нежеланием разобраться в сути явления. К нормальным межнациональным и межкультурным контактам не были готовы ни китайцы, ни россияне.

Примечания

¹ Петров А.И. История китайцев в России 1856–1917 годы. Санкт-Петербург, 2003. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

² Петров А.И. Указ. соч. С. 351.

³ Соловьев Ф.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 57–60.

⁶ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 151: Обязательные постановления пермского губернатора об условиях работы китайских, корейских, персидских рабочих на промышленных предприятиях, рапорты уездных исправников, списки китайских рабочих, переписки о них (10 сентября 1915); Д. 152: Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты уездных исправников, протоколы дознаний и переписка о нарушении обязательных постановлений губернатора китайскими рабочими, находившимися на каменноугольных копях в Кизеловском горном округе (3 сент. — 14 марта 1916); Д. 154: Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты соликамского уездного исправника и переписка с прокурором Пермского окружного суда о волнениях китайских рабочих на Половинских копях (10 ноября 1915 — 7 декабря 1916); Д. 167: Переписка департамента полиции с екатеринбургским полицмейстером о забастовке китайских рабочих на Белорецком заводе, о нарушении обязательных постановлений губернатора (14 февраля 1916 — 19 февраля 1917).

⁷ Танеев А.П. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны, Свердловск 1931. С. 26–27.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19.

¹¹ Там же.

¹² ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 12.

¹³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 167. Л. 25.

¹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 48.

¹⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 54.

¹⁷ ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.

¹⁸ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109.

²¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109.

²² Поскольку при первой же проверке удалось обнаружить факты существования сразу двух таких общин, не исключено, что любая другая проверка также могла бы обнаруживать тайные организации.

*Е.Ю. Лебеденко
(Екатеринбург)*

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МещАН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Торгово-предпринимательская деятельность горожан Пермской губернии в дореформенный период не раз находилась в центре внимания исследователей. Наиболее изученными являются занятия купечества, которому принадлежали доминирую-